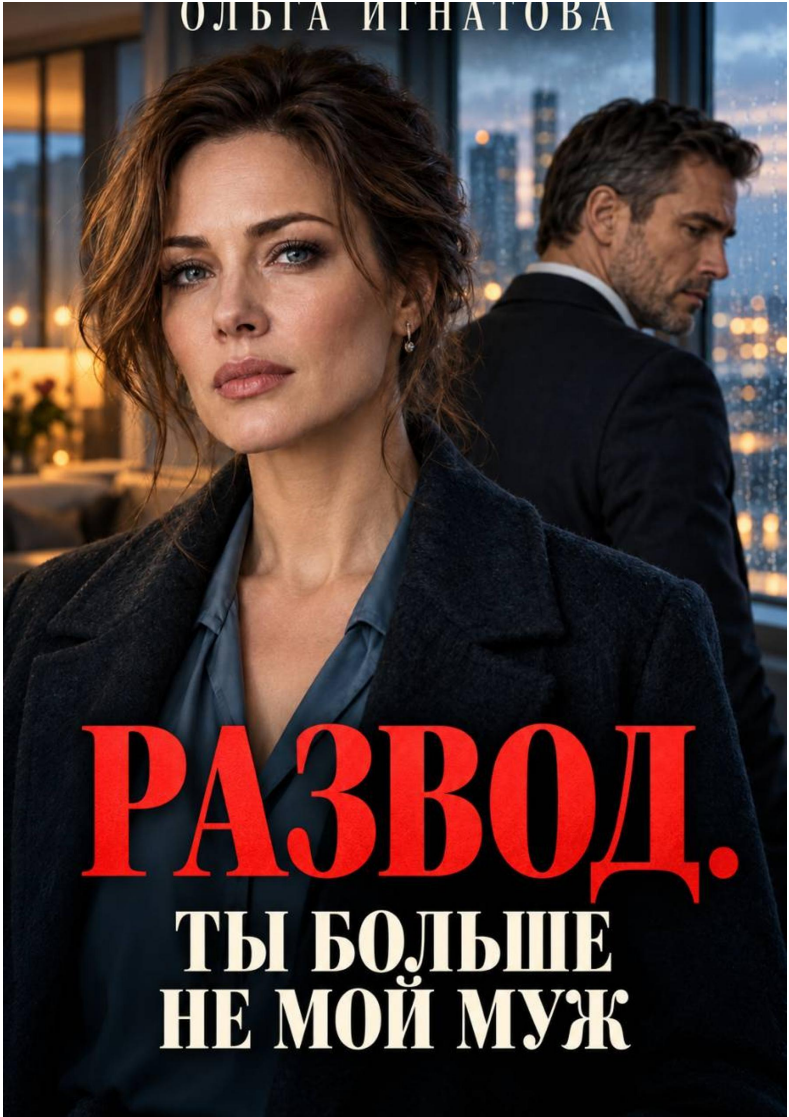
ОЛЬГА ИГНАТОВА



РАЗВОД.

ТЫ БОЛЬШЕ НЕ МОЙ МУЖ

Ольга Игнатова

Развод. Ты больше не мой муж

https://litres.ru/74704458
SelfPub; 2026

Аннотация

Я оформляла квартиру для мужа и его любовницы. Только узнала об этом в день нашей пятнадцатой годовщины.

Я думала, что создаю выставочный интерьер для семейной фирмы. Выбирала мебель, спорила с рабочими, слушала советы лучшей подруги. А она выбирала себе новый дом. Вместе с моим мужем.

Потом были разговор о разводе, переезд к сестре и заблокированная банковская карта. Павел привык решать за нас обоих. Теперь он уверен, что сможет назначить цену моим пятнадцати годам и получить подпись под нужными бумагами.

Но я больше не собираюсь соглашаться, не задавая вопросов.

У меня есть дочь, право на свою долю и профессия, которую я слишком долго называла просто помощью мужу. А впереди — работа, трудные решения и мужчина, рядом с которым мне не придётся заслуживать заботу.

Однажды Павел попросит вернуться.

Только к тому времени я уже научусь жить без его разрешения.

Содержание

Глава 1. Квартира к годовщине 4
Глава 2. Без его карты 14
Глава 3. Деньги на неделю 24
Глава 4. Папка с нашим именем 33
Глава 5. Моё имя в договоре 40
Глава 6. Дочь имеет право злиться 48
Глава 7. Цена работы 56
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Ольга Игнатова
Развод. Ты больше не мой муж

Глава 1. Квартира к годовщине

Вера открыла мне дверь и сразу попросила передвинуть полку для Пашиных рубашек.

— Он до верхней нормально достаёт, но каждый день тянуться неудобно. Ты же знаешь.

Я ещё держала пакет с образцами. Подняла его повыше, чтобы не задеть свежую краску на косяке, и посмотрела на подругу.

— Каких рубашек?

— В шкафу. Я тебе покажу.

Она повернулась и пошла по коридору. Босиком, в широких серых брюках, с карандашом за ухом. Мой карандаш: с выкушенным концом, потому что Даша вечно грызла их, когда делала уроки рядом со мной. Я оставила его здесь во вторник.

Квартира пахла деревом и кофе. На подоконнике стояла чашка, на ручке шкафа висел знакомый синий пиджак. Павел надевал его вчера на встречу с поставщиком; я ещё сняла

с плеча белую нитку, прежде чем он вышел из дома.

— Паша здесь? — спросила я.

Вера остановилась у спальни.

— Сейчас выйдет.

С утра она написала: «Давай в четыре, а не в шесть. Паше так удобнее. Хочу уже со всем закончить». Я обрадовалась: успею за дочерью к Нине, потом за тортом. Пятнадцатая годовщина не круглая в том смысле, который признавал мой муж, но торт он любил при любых обстоятельствах.

Всю дорогу я волновалась из-за ручек на кухне. Заказанные оказались холоднее по цвету, чем на фотографии, и мне пришлось везти ещё два варианта. Теперь ручки постукивали друг о друга в пакете.

Из спальни вышел Павел. Увидев меня, задержал руку на вороте рубашки.

— Лена? Ты почему уже…

Он посмотрел на Веру. Она поправила карандаш за ухом.

— Я позвала. Мы не можем вечно переносить.

Я поставила пакет у стены. Одна ручка выскользнула, звякнула об плитку. Никто не наклонился её поднять.

— Что переносить?

Павел провёл ладонью по затылку. Этот жест я знала. Обычно после него выяснялось, что он забыл записать Дашу к стоматологу или опять пообещал Степану выйти в субботу.

— Давай спокойно поговорим.

— Мы и так разговариваем.

— Не здесь.

Вера скрестила руки.

— Почему не здесь? Я тоже хочу понимать, что происходит.

Павел резко выдохнул, а я наконец посмотрела в открытую спальню. На кровати ещё лежала защитная плёнка, которой прикрывали матрас во время сборки. Её отогнули с одного края. На тумбочке стоял Пашин дорожный футляр для очков, а рядом — баночка Вериного крема. Я сама привезла ей такой из поездки три года назад: в магазине была скидка на два.

— Вы здесь живёте?

— Пока нет, — ответила Вера.

Павел произнёс её имя с такой злостью, что она замолчала.

Мне очень нужно было, чтобы он ответил сам. Не подруга, не чашка на подоконнике, не рубашки. Муж, с которым утром мы ели на кухне омлет и спорили, пора ли менять летнюю резину.

— Паша, что это?

Он посмотрел на меня. Взгляд был виноватый, раздражённый и почти облегчённый. На секунду облегчение оказалось заметнее всего остального.

— Мы с Верой вместе.

Снизу по лестнице поднимались люди. Кто-то громко обсуждал доставку, ребёнок требовал нажать кнопку лифта. Я

услышала всё это очень отчётливо и зачем-то проверила, закрыта ли входная дверь.

— Вместе — это как?

— Лена.

— Не надо произносить моё имя так, будто я задаю глупый вопрос.

Вера сделала шаг ко мне.

— Между нами отношения. Мы хотели тебе сказать, но…

— Сколько?

Она посмотрела на Павла. Я тоже.

— Несколько месяцев, — сказал он.

— Восемь, — уточнила Вера.

У меня вспотели ладони. Я прижала их к джинсам и заметила белое пятно на колене: вчера задела стену у прихожей, пока проверяла крепление зеркала. Отстирывала, не отстиралось. Сегодня решила, что для сдачи квартиры и так сойдёт.

Восемь месяцев.

В июле мы ездили на озеро. Вера сидела с Дашей на мостках, учила её забрасывать удочку и смеялась, когда та поймала чужой поплавок. Потом мы с подругой мыли посуду в маленькой кухне съёмного домика. Она спросила, часто ли мы с Пашей остаёмся вдвоём.

Я тогда пожаловалась, что он вечно усталый. Что я тоже устала. Вера сказала, что нужно устраивать свидания даже после стольких лет.

— А квартира? — спросила я.

Павел нахмурился, словно я внезапно заговорила не о том.

— Что квартира?

Я обвела рукой кухню, коридор, матовое стекло у гардеробной. На столешнице ещё стояли купленные мной высокие стаканы. Я выбирала их так, чтобы на фотографиях не было лишних бликов.

— Ты сказал, что здесь будут показывать мебель заказчикам. Что это выгоднее отдельного выставочного зала.

— Мы и собирались показывать.

Вера отвела глаза.

— А потом жить, — договорила я.

Павел молчал.

Я вспомнила, как в декабре он попросил сделать у окна узкую столешницу. «Сейчас все хотят работать дома, надо показать, как это выглядит». Вера всегда завтракала у окна. Даже у меня дома переносила тарелку с общего стола к подоконнику.

Высокий шкаф в ванной она предложила закрыть сплошной дверцей: «Покупателям не нужны твои открытые полочки, они любят порядок». У неё самой все тюбики стояли в закрытом шкафу, разложенные по корзинам.

Я тогда спорила. Переделывала. Ехала в другой конец города за образцом, который понравился подруге, потому что она лучше понимала продажи.

— Вы мне задание вместе составляли?

Вера сжала губы.

— Я не хотела, чтобы так получилось.

— Что именно? Другая квартира не понравилась?

— Лена, прекрати, — сказал Павел.

Я повернулась к нему. Он стоял рядом с выбранными мной обоями и всё ещё имел право говорить моим домашним голосом. Тем самым, которым просил ночью подвинуться или спрашивал, где пластырь.

— Что мне прекратить?

Он убрал руки в карманы.

— Я понимаю, что тебе больно. Но давай без этого.

— Без чего, Паш? Я пока только спросила, давно ли вы спите и зачем я делала вам ремонт.

Он поморщился.

— Ты не делала ремонт. Работала бригада.

Я несколько секунд смотрела на него. Потом наклонилась, подняла выпавшую ручку и положила в пакет. На металле осталась мелкая царапина. Такую уже не поставишь на образец.

— Да, конечно. Бригада.

Вера хотела что-то сказать, но у меня зазвонил телефон.

На экране была фотография дочери: Даша в моей слишком большой шляпе, вся в мелких веснушках, которых у неё сейчас почти не осталось. Я приняла вызов.

— Мам, мы с тётей Ниной ещё в магазине. Можно я возь-

му альбом с чёрными листами? Он дороже обычного, но мне для маркеров.

Я посмотрела на пакет у своих ног.

— Сколько стоит?

— Семьсот девяносто. У меня четыреста есть. Остальное добавишь?

— Добавлю.

— А торт ты уже забрала? Нина говорит, они вечером могут закрыться раньше.

— Нет ещё.

Павел отвернулся. Вера принялась поправлять край своей рубашки.

— Я сама разберусь с тортом, — сказала я. — Купи альбом. И Нине скажи, что я позвоню.

— У тебя голос странный. Ты заболела?

— Нет, Даш. Просто здесь шумно.

Когда разговор закончился, я ещё держала телефон у щеки. Мне хотелось набрать Веру. Я даже открыла список последних вызовов: она была второй после Нины. Нажать на её имя, выйти на лестницу и сказать: «У Паши кто-то есть. Я не знаю, что делать».

Вера стояла в двух шагах от меня.

Я убрала телефон.

— Сегодня седьмое марта, — сказала я мужу.

— Я помню.

— Правда?

Павел потёр переносицу.

— Я собирался вечером поговорить. Дома. В нормальной обстановке. Вера…

Он опять посмотрел на неё.

— Не надо, — сказала она тихо. — Ты и в феврале собирался.

От этой фразы мне стало хуже, чем от крема на тумбочке. Они обсуждали, когда поставить меня в известность. Сдвигали дату, выбирали подходящий вечер. Пока я уточняла у дочери, какой торт любит папа, их неудобством было моё неведение.

— Мне нужно забрать материалы, — сказала я.

— Лена, подожди.

Я прошла на кухню. Открыла нижний ящик, куда складывала каталоги и рулетку. На дне лежала упаковка батареек, чек из строительного магазина и сложенный лист с моими заметками. В углу было написано: «К 7 марта закончить, не забыть про ужин».

Я перевернула лист чистой стороной вверх.

Павел подошёл сзади, но не коснулся меня.

— Нам всё равно придётся разговаривать. О Даше, о том, как дальше жить. Я не собираюсь вас бросать.

Я закрыла ящик.

— А что ты сейчас делаешь?

Он не ответил сразу. Впервые за весь разговор мне захотелось обнять его. Уткнуться в шею, где пахло привычным

одеколоном, и переждать, пока всё это закончится. Желание было настолько обидным, что я застегнула сумку с лишней силой и защемила палец молнией.

— Я поеду домой, — сказала я. — Мне нужны вещи.

— Домой, конечно. Я приеду следом.

— Не сразу.

Я подняла на него глаза.

— Дай мне хотя бы час.

Он кивнул. Вера стояла у двери в спальню и больше не выглядела хозяйкой, показывающей недостатки шкафа. Я хотела спросить её, как она слушала меня в сентябре, когда я боялась результатов маминого обследования. Как присылала Даше смешные картинки. Как сидела у меня на кухне и доедала сырники, потому что «Лен, у тебя они единственные получаются нормальными».

Но она и так знала, о чём я могла спросить.

В лифте я обнаружила, что по-прежнему держу пакет с кухонными ручками. На первом этаже остановилась перед зеркалом: обычная женщина в пальто, волосы выбились из заколки, на колене белое пятно. Если бы я встретила себя сейчас у подъезда, ни за что бы не поняла, что случилось.

За рулём посидела несколько минут, прежде чем смогла достать ключ. Потом позвонила Нине.

— Ты можешь Дашу пока не привозить?

Сестра спросила, что случилось, и я ответила сразу, пока ещё могла говорить:

— У Паши Вера. Они вместе. Я только что была у них в квартире.

Нина выругалась. Один раз, коротко.

— Ты где?

Я назвала адрес.

— Не едь, если трясёт. Посиди. Я сейчас Дашу накормлю, потом тебе наберу. Слышишь? Ты мне ответь, что услышала.

Я ответила. Положила телефон на соседнее сиденье и увидела сообщение от Павла. Под ним прикреплённый файл.

«Я подготовил вариант, чтобы никто не пострадал. Дома обсудим».

Файл назывался «Предложения_Соколовы».

Я долго смотрела на нашу фамилию, прежде чем завела машину.

Глава 2. Без его карты

Дома работал телевизор. Я включила его ещё утром, когда собирала продукты в холодильник, и забыла выключить. Из гостиной доносились весёлые голоса: кому-то объясняли, как выбирать ананас.

Я прошла на второй этаж за сумкой. Достала из шкафа старую дорожную, с которой мы ездили к морю, положила на кровать. Сначала собрала Дашины вещи. Потом долго не могла вспомнить, где лежит моя пижама, хотя сама убрала её в ящик несколько часов назад.

Павел выдержал сорок минут.

Когда его машина зашуршала по дорожке, я как раз выбирала между двумя свитерами. Оба были серые, один теплее, другой меньше мялся. Я стояла перед шкафом и ненавидела необходимость принимать это решение.

— Ты уезжаешь? — спросил он с порога спальни.

— Пока к Нине.

— Зачем? Дом большой. Можно не устраивать переезд в один день.

Я достала оба свитера.

— Чтобы сегодня не ужинать с тобой.

Он посмотрел на раскрытую сумку.

— Давай сначала поговорим. Нормально, без взаимных обвинений.

— Взаимных?

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

Павел снял куртку и по привычке протянул её мне. Я не взяла. Он опустил руку, повесил куртку на спинку стула и прошёл к окну.

— Я понимаю, что всё сделал неправильно. Но отношения между людьми меняются. Мы с тобой давно…

— Вчера утром меня всё устраивало.

— Тебя, может быть.

Я перестала складывать вещи.

— Почему ты не сказал?

Он молчал. Внизу ведущие наконец выбрали ананас.

— Потому что было неудобно? — спросила я. — Мне передвинуть полку проще, чем выслушать, что ты больше не хочешь со мной жить?

— Лена, я не хочу с тобой ругаться.

Он говорил устало. Меня на мгновение охватило знакомое желание снизить голос, принести воды, перенести неприятный разговор на завтра. Павел много работал. Последние месяцы плохо спал, жаловался на голову. Я покупала ему таблетки и просила хоть в выходные не смотреть в телефон.

— Я тоже не хочу, — ответила я. — Но ты уже всё решил. Я только узнаю подробности.

Он кивнул с таким видом, будто мы наконец нашли общую точку.

— Поэтому я подготовил предложение. Ты посмотрела?

Я открыла файл на телефоне. На первой странице были наши полные имена, на второй — списки. Дочери посвящался отдельный пункт. Прочитав его, я машинально проверила, правильно ли указан год рождения.

— Два миллиона? — спросила я.

— Единовременно. Плюс твоя машина. По Даше всё остаётся, как было: школа, кружки, одежда, отдых. Я буду переводить каждый месяц.

— А квартира?

— Квартира на меня оформлена.

— Я знаю, на кого она оформлена. Я спрашиваю, почему её здесь нет.

Павел присел на край кровати. Сумку пришлось подвинуть.

— Это вложение. Деньги из бизнеса, ремонт, мебель. У нас там всё связано. Ты же не думаешь, что я могу сейчас выдернуть из оборота что угодно?

— А два миллиона можешь?

— Найду.

— И дом?

Он посмотрел на меня уже с заметной осторожностью.

— Дом мне бабушка оставила. До нашей свадьбы. Ты это прекрасно знаешь.

Я знала. Знала, где лежат документы, когда меняли газовый котёл, сколько стоит обслуживание и почему окно в Да-

шиной комнате закрывается только со второго раза. Дом я помнила лучше большинства собственных родственников.

— Фирму ты тоже до свадьбы купил?

— Нет. Но там долгов больше, чем тебе кажется. Есть оборудование, аренда, обязательства. Степан. Нельзя просто взять и разделить по картинке в интернете.

— Я пока никакой картинки не открывала.

— Так и не надо. Мы сами можем договориться.

Он положил руку на сумку, придерживая край, чтобы она не заваливалась. Я смотрела на его пальцы. Широкие, с маленьким шрамом возле большого: порезался стеклом в первый год брака. Тогда у нас ещё не было нормальной аптечки, и я бежала в круглосуточную в тапочках.

— Если я соглашусь на эти два миллиона, — спросила я, — что будет, когда они закончатся?

— Ты же не собираешься их за год потратить. И я помогу.

— А если мы поссоримся?

— Мы сейчас ссоримся. Я, по-твоему, кого-то оставил без хлеба?

Павел говорил искренне возмущённо. Он предлагал мне деньги и не мог понять, почему этого недостаточно для признания его порядочности.

Я закрыла файл.

— Я никому ничего сегодня не подпишу.

— Там пока и не надо подписывать. Это предложение.

— Хорошо. Пусть им и останется.

Он поднялся.

— Только не начинай войну. У нас ребёнок.

Я взяла с комода Дашину фотографию. Потом поставила обратно: у Нины и без неё тесно.

— Я помню, Паш. Нина сейчас её привезёт. Что мы скажем?

С этим он справился хуже, чем с документом.

— Что у нас сложности. Что надо пожить отдельно.

— И она будет ждать, когда сложности закончатся?

— А ты предлагаешь сказать ей про Веру?

Я посмотрела на него. Он отвернулся.

— Я предлагаю не врать хотя бы о том, что уже происходит.

Мы спустились вниз, когда у ворот посигналила Нина. Она вошла первой, а Даша задержалась в прихожей: снимала кроссовки, рассказывала, что в магазине маркеров не было нужного цвета и пришлось брать похожий.

Потом увидела сумку у лестницы.

— Мам?

Я предложила сесть на кухне. Нина хотела выйти, но я попросила её остаться в гостиной, если не трудно.

Павел стоял у холодильника и вертел телефон.

— Мы с мамой решили пока пожить отдельно, — сказал он.

Даша смотрела на меня.

— Почему?

— Мы расстаёмся, — ответила я. — Это между нами, ты здесь ни при чём.

— Вы разводитесь?

Я впервые услышала это слово вслух применительно к себе.

— Скорее всего, да.

Павел убрал телефон.

— Мы всё равно оба твои родители. Я буду приезжать, будем видеться. Ничего у тебя не отнимают.

Даша покосилась на сумку.

— А жить я где буду?

— Пока у тёти Нины со мной. До школы почти столько же ехать. Твои занятия останутся.

— Почему не здесь?

Я сжала ладони под столом.

— Мне сейчас тяжело здесь находиться.

— А мне у Нины легко? У неё даже стола свободного нет.

Я кивнула, хотя кивать на такое было почти невыносимо.

— Понимаю. Это временно. Мы разберёмся.

— Вы поругались из-за меня?

— Нет, — сказали мы с Павлом одновременно.

Даша втянула голову в плечи.

— А из-за кого?

Я посмотрела на мужа. Он отвёл глаза. Ответить пришлось мне:

— Папа хочет быть с другой женщиной.

— Ты её знаешь?

Павел шагнул к столу.

— Даш, сейчас не надо…

— Я у мамы спросила.

Тринадцать лет, незаконченный альбом в рюкзаке, куртка, из которой она опять выросла. Я вдруг очень ясно поняла, что защитить её от этого дня целиком не смогу.

— Да. Это Вера.

Даша сидела неподвижно. Потом посмотрела на отца так, будто он заговорил на непонятном языке.

— Тётя Вера?

— Просто Вера, — сказал Павел и тут же закрыл глаза, понимая, как прозвучало.

Дочь отодвинула стул.

— Я вещи заберу.

Она ушла наверх. Я хотела пойти следом, но Нина, появившаяся в дверях, слегка качнула головой. Через несколько минут я всё-таки поднялась и нашла Дашу на полу у кровати. Она пыталась засунуть в рюкзак папку формата А3.

Я молча взяла вторую сумку. Дочь позволила переложить рисунки, но обнять себя не дала.

Перед отъездом Павел протянул ей пакет с подарком: беспроводную мышь, которую она давно просила. Она посмотрела на коробку и оставила её на столе.

— Потом, — сказала она.

До Нины ехали молча. В машине пахло тортом: курьер

успел привезти его, пока мы собирались. Павел вынес коробку и поставил мне на заднее сиденье, словно иначе праздничный заказ оказался бы зря оплачен.

Я не стала спорить.

У сестры были две комнаты, обе небольшие. Нам с Дашей досталась та, где Нина обычно гладила бельё и складывала всё, что не помещалось в шкаф. Стол пришлось освобождать от книг, сушилку переносить на балкон. Дочь сидела на краю дивана и смотрела в телефон.

— Будешь чай? — спросила Нина.

Я кивнула.

Она поставила на кухне три чашки, нашла нож для торта. На шоколадном прямоугольнике золотыми буквами было выведено: «Пятнадцать лет вместе».

Нина посмотрела на надпись, затем на меня.

— Снимем?

— Разрежь. Даша сливки любит.

Есть я не смогла. Зато долго мыла чашку, хотя она была почти чистая. Нина отобрала губку, сунула мне в руки полотенце и сказала, что зубные щётки можно поставить справа от раковины.

Эта мелочь вдруг меня доконала. Я села на закрытую стиральную машину и заплакала, зажимая рот полотенцем. Сестра не уговаривала. Стояла рядом, пока я не смогла выпрямиться.

Ночью Даша несколько раз просыпалась. Я слышала, как

она переворачивается у стенки, но ни одна из нас не спросила другую, спит ли та.

Утром в магазине я набрала молоко, яйца, яблоки, Дашины любимые хлебцы. На кассе приложила карту.

Терминал отказал.

Попробовала ещё раз.

— Другую можете? — спросила кассирша.

Я открыла приложение. Дополнительной карты к Пашиному счёту в нём больше не было. На моём отдельном счёте оставались сорок восемь тысяч триста рублей: мелкие заработки и деньги, которые я откладывала на ноутбук.

Сзади кто-то переставил корзину.

— Хлебцы и кофе уберите, пожалуйста, — сказала я.

Кассирша потянулась за хлебцами. Я вдруг остановила её.

— Нет. Кофе и сыр. Хлебцы оставьте.

До дома я донесла пакет сама. Позвонила Павлу с лестничной площадки, чтобы не услышала Даша.

— Карта не работает.

— Я её закрыл. Мы же теперь отдельно расходы ведём. Давай вечером согласуем, сколько нужно на Дашу.

— А сегодня?

Он замолчал, потом сказал:

— Переведу. Лена, ты же понимаешь, что это всё надо упорядочить.

Я убрала телефон в карман, не дождавшись прощания. В квартире Нина уже открыла ноутбук.

— Вот, — сказала она. — Нашла двух семейных адвокатов. У одной консультация во вторник. Сегодня праздник, завтра выходной, но запись принимают.

Я поставила пакет на стол. Хлебцы торчали из него острым углом.

— Запиши меня, — попросила я. — На вторник.

Глава 3. Деньги на неделю

На консультацию я пришла с пакетом документов, в котором не оказалось почти ничего нужного.

Свидетельство о браке я взяла. Свидетельство о рождении Даши тоже. А вот когда Маргарита Лебедева спросила, когда именно мы купили долю в фирме, я смогла назвать только время года.

— Осенью. Даша тогда ещё маленькая была. Кажется, в тринадцатом.

— Хорошо. А восемьдесят процентов — это с самого начала?

— Да. Остальное у Степана. Он производством занимается.

Маргарита записала. На столе рядом с её рукой стояла кружка с надписью «Сначала прочитай». Я смотрела на неё чаще, чем в лицо адвокату.

— И вы работали в компании?

— Официально нет. Помогала с планировками, иногда с подбором. Но в основном дома. У нас дочь, потом у мамы были проблемы…

Я замолчала. Мне показалось, что я оправдываюсь перед незнакомой женщиной за то, как прожила собственную жизнь.

Маргарита подняла глаза.

— Вам не нужно доказывать, что вы были полезны. Я спрашиваю об источниках документов. Отсутствие трудового договора не отменяет вашего права на общее имущество.

Я машинально поправила край пакета.

— Он говорит, что там всё в долгах.

— Возможно, есть долги. Это проверяют. Но фраза «всё в долгах» не заменяет документы и оценку. И стоимость доли — не только сумма, которую когда-то записали в уставных бумагах.

Она подвинула ко мне лист и предложила перечислить имущество.

Дом. Квартира. Две машины. Фирма. Счета.

На слове «счета» я остановилась.

— Я не знаю, сколько там сейчас.

— Значит, будем выяснять.

— И дом он получил от бабушки. До свадьбы.

— Тогда исходно это его личное имущество. Какие-то существенные общие вложения были? Пристройка, реконструкция?

Я покачала головой. Мы красили стены, меняли мебель, котёл. Сам дом оставался тем же.

Маргарита объяснила, что каждую историю нужно разбирать отдельно. Не пообещала половину всего, что мне когда-либо было дорого. От этого почему-то стало легче. Она не пыталась продать мне уверенность.

— А квартира? — спросила я. — На него оформлена.

— Это само по себе ничего не решает. Когда купили, на какие деньги, были ли личные средства, кредит? Вы знаете?

— В двадцать втором. Без кредита. Паша сказал, что свободные деньги надо во что-то вложить. Из прибыли.

— Найдите договор и подтверждение оплаты. Они у вас доступны?

— Дома лежат. Я все папки разбирала.

— Скопируйте то, к чему у вас есть законный доступ. Собственную почту тоже сохраните. Никуда не входите под чужими паролями, не берите документы у сотрудников в обход установленного порядка. Если чего-то не хватает, для этого есть запросы и суд.

Я кивнула.

— Он ещё предложил два миллиона. И машину.

Я показала файл. Маргарита прочитала его внимательно, не перебивая меня даже тогда, когда я начала объяснять, что Павел вообще-то раньше не был таким.

— Пока ничего не подписывайте, — сказала она. — По одному этому перечню невозможно понять, насколько предложение соответствует действительному составу имущества.

— Он считает, что я хочу наказать его за измену.

— А вы?

Я задумалась. Честный ответ был некрасивым.

— Сегодня хочу. Чтобы ему тоже было плохо. Но жить на это я не смогу.

Маргарита сняла очки.

— Тогда полезно отделить одно от другого. В имущественном споре мы доказываем имущество и ваши права. Не то, насколько ваш муж плохой человек.

Она назвала стоимость работы, порядок оплаты и то, что входит в каждый этап. Я записывала суммы в заметки и прикидывала остаток на своей карте. После первичной оплаты запас переставал выглядеть запасом.

— Можно сначала начать с развода? — спросила я. — А с имуществом отдельно?

— Да. И нужно понять, как вы договоритесь о дочери. Не связывайте её содержание с вашим отказом от чего-либо. При необходимости будем оформлять всё отдельно.

У выхода я задержалась у вешалки. Пальто никак не попадало рукавом в руку.

— Маргарита, а если он передумает?

Она не спросила, о деньгах ли я.

— Передумать может. Решение о том, чего хотите вы, всё равно придётся принять вам.

На улице был мокрый снег. Я села в машину, положила перед собой список документов и несколько минут смотрела на своё имя в верхнем углу. В этом листе я была человеком с вопросами и правами. Не только женщиной, которая не заметила восемь месяцев.

Нина выслушала рассказ, стоя у плиты. В кастрюле переваривались макароны.

— Пятьдесят тысяч могу дать, — сказала она. — Больше

сейчас не потяну. У меня ещё машина в ремонте и апрельская поездка уже оплачена.

— Я верну.

— Я знаю. Давай просто запишем, сколько и когда. А то потом ты будешь возвращать мне по семьсот рублей и извиняться за каждую покупку.

Я села на табурет.

— Тебе не кажется, что я слишком быстро решаю?

Нина выключила плиту.

— Ты четыре дня почти ничего не решала. Только складывала его носки в отдельный пакет, потому что «вдруг человеку понадобится». Что именно ты хочешь ещё подождать?

Я посмотрела на корзину с чужим бельём у ванной. Носки действительно лежали там. Попали в нашу сумку, и я вчера их выстирала.

— Я завтра подам на развод, — сказала я.

Нина кивнула и поставила передо мной тарелку макарон. Они слиплись в один ком.

— Сегодня такой гарнир. Жалобы не принимаются.

После обеда мы посчитали расходы. Отдельно Дашины — Павел перевёл первые деньги и написал, что готов оплачивать согласованные траты напрямую. Отдельно мои. Отдельно то, что я буду вносить на продукты сестре.

Оказалось, что мне даже стыдно вписывать в список собственную стрижку. Я зачеркнула её, Нина посмотрела, но ничего не сказала.

В пять нужно было забирать Дашу с рисования. «Маяк» находился в бывшем небольшом кинотеатре: зал оставили для спектаклей и лекций, наверху работали студии, а на первом этаже было просторное, плохо устроенное фойе. Здесь всегда кто-нибудь стоял поперёк прохода, потому что скамейки поставили далеко от гардероба, а родителям хотелось видеть лестницу.

Нина работала в центре почти три года. До этого я бывала здесь столько раз, что перестала замечать облупившуюся деревянную дверь и вечный запах мокрых курток.

В тот вечер возле двери стоял мужчина с инструментом. Высокий, в тёмной рабочей куртке, с защитными очками на макушке. Он пытался объяснить Галине Тихоновой, руководителю центра, что одну створку нельзя просто подпилить.

— Мы её уже подпиливали, — напомнила Галина. — Три года всё открывалось.

— Если ещё подпилить, дверь получится с вентиляцией внизу. Вы же её восстанавливать хотите.

Я остановилась в стороне, пропуская двух женщин с детьми. Одна пыталась сложить зонт, другая снимала с ребёнка шарф. Мужчина отступил, придержал створку, поднял с прохода ящик.

— Здесь вообще не в двери проблема, — сказала я прежде, чем успела подумать.

Галина повернулась.

— А где?

Я показала на стойку администратора.

— Люди останавливаются сразу за входом. Им дальше не видно, куда идти. Потом второй поток с лестницы упирается в них же.

Мужчина посмотрел туда, куда я показывала.

— А если стойку убрать, за ней окно в служебное помещение будет.

— Не убрать. Повернуть. И свет добавить вот здесь.

Я шагнула к стене, показала рукой, как можно развернуть поток. Впервые за несколько дней говорила и не вспоминала каждую секунду о Паше.

— Вы у нас кто? — спросила Галина без враждебности, но с деловым интересом.

— Я Лена. Дашина мама. И Нинина сестра.

— Это я знаю. Вы по профессии кто?

Я замялась.

— Дизайнер. Но давно нормально…

Мужчина наклонился за карандашом, который скатился с ящика. Выпрямился и спросил:

— Нормально — это как?

— За деньги, — ответила я и тут же пожалела.

Он не засмеялся.

— Тогда, наверное, стоит с этого и начать.

Галина посмотрела на меня внимательнее.

— У нас как раз будут менять фойе. Пока небольшой этап, без архитектурных подвигов. Вы Нине скажите, пусть усло-

вия перешлёт. Работа платная, но смотреть будем несколько предложений.

Из-за лестницы вышла Даша, увидела меня и удивилась:

— Ты чего здесь руками машешь?

Мужчина улыбнулся. Я почувствовала, что у меня нагрелись щёки, и разозлилась на себя. После всего, что случилось, ещё только этого не хватало.

— Обсуждаем, куда поставить стойку.

— Лишь бы не туда, где мы сидим. У нас там розетка.

— Вот, — сказал мужчина Галине. — Пользователь сразу назвал главное.

Даша с интересом посмотрела на него, но ничего не ответила.

Я уже собиралась уходить, когда он снова повернулся ко мне.

— Андрей. А вы Лена, правильно?

— Правильно.

— На петли только не опирайтесь, если будете что-нибудь мерить. Они пока просто наживлены.

Он указал на створку, а я поняла, что успела положить ладонь как раз туда, куда не стоило. Убрала и тихо поблагодарила.

Дома Нина переслала условия: портфолио, план и перечень работ для пробного участка. Я открыла облачную папку. Половина проектов осталась на домашнем ноутбуке.

Рядом Даша листала новый альбом. Плотные чёрные стра-

ницы шуршали.

— Я могу посидеть одна, если ты к папе поедешь, — сказала она, не поднимая головы.

— Завтра. За вещами и документами.

Даша кивнула и перевернула лист.

Я предупредила Павла, что приеду утром, и вернулась к недописанному заявлению о разводе.

Глава 4. Папка с нашим именем

Павел оставил ключ под горшком у боковой двери, хотя у меня были свои.

Я заметила это ещё из машины: край брелока торчал из-под поддона. Сколько раз я просила не делать так. Даша один раз взяла ключи поиграть, потом мы искали их всей семьёй до темноты.

Я открыла дверь своей связкой.

Муж был на кухне. На столе стояли две чашки.

— Кофе будешь?

— Нет, спасибо. Мне ноутбук и папки нужны.

— Я понял. Просто спросил.

Он отодвинул вторую чашку. На нём была домашняя футболка, купленная мной прошлым летом, и почему-то от этого хотелось развернуться и выйти. У него оставался обычный утренний вид. Не было никакого внешнего признака, по которому я могла бы отличить человека до субботы от человека после.

— Ты заявление подала? — спросил он.

— Сегодня утром. Маргарита помогла подготовить.

— Маргарита — это кто?

— Мой адвокат.

Он поднял чашку, но не стал пить.

— Тебе уже адвокат нужен?

— Да.

Павел усмехнулся, глядя в окно.

— Теперь понятно, почему ты про фирму заговорила.

— Я про фирму заговорила до консультации. Дома, в субботу.

Он помнил, я видела. Просто ему удобнее было представить, что незнакомая женщина научила меня требовать лишнее.

В кабинете на втором этаже я собрала ноутбук, зарядку и графический планшет. Планшет покупали давно, Даша успела поцарапать корпус ножницами, когда делала открытку. Проверила, не осталась ли в тумбе флешка. Потом открыла шкаф с документами.

Папки были подписаны моей рукой: «Дом», «Даша», «Машины», «Квартира», «Контур». Между ними стояла тонкая зелёная, которую мы называли «Всё остальное». Там обычно оказывалось самое важное.

Я начала с квартиры. Договор, акт, копии платежей, документы на отделку. Вспомнила день покупки: Павел заехал за мной после работы, мы осмотрели пустые комнаты и долго спорили, не слишком ли мало света во второй спальне.

— Для сдачи сойдёт, — сказал он тогда. — А дальше посмотрим.

Значит, сначала квартира действительно была вложением. Потом было больше двух лет без Веры — если они сказали мне правду о восьми месяцах. Я поймала себя на попытке

найти место, с которого жизнь стала ненастоящей. Не получалось. Даты ложились одна на другую, а я всё равно помнила, как мы смеялись в тех пустых комнатах.

Я сделала копии, проверила, читаются ли суммы и номера. Сам договор оставила на месте: Маргарита сказала не устраивать борьбу за бумажную папку, если можно спокойно сохранить сведения.

На нижней полке лежали старые рабочие распечатки. Угловая кухня для квартиры на улице Ошарской. Гардеробная, которую клиентка дважды просила уменьшить, пока не выяснилось, что ей жалко места для собственных вещей. План маленькой гостиной, где мы умудрились оставить и диван, и полноценный стол.

Я рассматривала листы с неожиданным интересом. Часть решений давно бы переделала. Особенно этот жуткий полукруг у стены: зачем я вообще его предложила? Но проходы были удобными. И свет я распределила хорошо.

На титульных листах стоял логотип «Контура». Моей фамилии не было.

Павел поднялся, когда я фотографировала эскиз.

— Это-то тебе зачем?

— В портфолио. Хочу вспомнить, что у меня есть.

Он опёрся о дверной косяк.

— Эти проекты через фирму шли.

— Я помню. Клиентские данные никуда не выкладываю. На фотографии спрошу разрешение.

— Ты куда устроиться собралась?

Я не хотела говорить, но потом поняла, что скрывать саму возможность работы мне незачем.

— В «Маяке» есть небольшой заказ. Пока только пробный этап.

— Там деньги смешные, Лена.

— Я ещё не спрашивала сколько.

— Я могу тебе дать нормальные проекты. Ты это знаешь. Хоть официально оформим, если вопрос в этом.

От неожиданности я даже опустила телефон.

— Ты предлагаешь мне работать у тебя?

— Я предлагаю не бегать по мелочам. У тебя опыт есть, наши процессы знаешь. Зачем изображать, будто мы враги?

Я посмотрела на стопку листов. В двух проектах была ошибка, которую я потом исправляла за вечер. В одном — удачная находка, которой Павел до сих пор пользовался в презентациях. Там был настоящий труд, и мне ужасно хотелось, чтобы он признал его сейчас. Сказал, что я не просто «помогала».

Вместо этого мне предлагали вернуться под знакомую крышу и снова получать разрешение на обычную жизнь.

— Я попробую сама.

— Ну попробуй, — сказал он и оттолкнулся от косяка. — Только не надо потом думать, что я тебе не предлагал.

Я чуть не ответила резко, но промолчала. Он уже собирался уходить.

Когда внизу закрылась дверь, я открыла зелёную папку.

В ней лежала расписка отца Павла о займе. Миллион двести тысяч, 2013 год. Свёкор тогда собирался продать дачу, но отложил сделку, чтобы помочь нам войти в «Контур». Я помнила, как нам было неловко брать у него деньги, а он говорил, чтобы возвращали без геройства, когда получится.

Рядом лежал мой старый лист учёта: несколько сумм, даты, пометки о платежах. В 2016 году мы закрывали этот долг. Последнюю часть переводила я, потому что в тот день Павел был в дороге и попросил разобраться самой.

В субботнем предложении мужа была строка об обязательствах, включая непогашенный семейный заём.

Я села на пол возле шкафа и перечитала расписку. Может, был другой? Может, что-то неправильно помню?

В зелёной папке нашлась копия сообщения свёкра: он любил распечатывать важное, а я переняла эту привычку. «Всё получил. Теперь можете заняться собой». Подписано его обычным «Обнимаю, папа».

Я долго держала лист на коленях. Свёкор умер шесть лет назад, и мне вдруг захотелось поговорить именно с ним. Он был не самым мягким человеком, мог полчаса объяснять, почему не нужно покупать дорогой чайник. Но чужое всегда возвращал вовремя и очень сердился, когда дети пытались жульничать в настольных играх.

Я сфотографировала расписку, свои записи и сообщение. Затем открыла банковское приложение: старые операции так

далеко не показывались. Отправила обращение в банк о подтверждении конкретного перевода и написала Маргарите, что нашла.

Ответ пришёл через несколько минут: «Сохраните всё. Пока не делаем выводов без проверки. Это может иметь значение».

Я не стала звонить Павлу и спрашивать, как он мог забыть. Хотела сначала понять, что именно он помнил.

Перед уходом заглянула в Дашину комнату. Забрала её настольную лампу, запасные кисти, коробку с проводами. На подоконнике лежал недоделанный бумажный домик с кривой крышей.

Я взяла его тоже.

У Нины выяснилось, что ноутбук давно требует обновлений, а привычная программа не открывает один из файлов. Пока всё устанавливалось, я сидела над отсканированными планами и вдруг снова почувствовала себя женщиной, которая что-то умеет.

Не всё. Не так быстро, как раньше. Но не настолько мало, как мне успело показаться за последние дни.

Вечером мы с Ниной выбирали фотографии для заявки. Я браковала почти каждую.

— Здесь свет плохой.

— Схему приложи.

— Здесь заказчики без согласия…

— Спроси.

— Здесь вообще старое.

Нина отодвинула стул.

— Лена. Тебе нужно доказать, что ты можешь сделать входную зону. Не что ты получила архитектурную премию.

Я засмеялась. Первый раз за день без усилия.

С одной бывшей заказчицей удалось связаться сразу. Женщина обрадовалась, спросила, не могу ли я потом посмотреть её новую кухню, и прислала свежую фотографию старой гостиной. Стол, для которого мы так мучительно искали место, стоял там же. За ним сидели двое уже взрослых детей.

«У нас всё удобно, — написала она. — Показывайте, конечно. Только лица обрежьте».

Я отправила заявку до полуночи. Потом ещё три раза открывала письмо, проверяла, все ли файлы прикрепила.

Утром позвонила Галина.

— Посмотрела. Завтра сможете приехать и показать на месте? Только сразу подумайте о цене. Мы бесплатные идеи не собираем.

— Смогу, — ответила я.

На листе я написала: «Моя работа». Цену пока не поставила.

Глава 5. Моё имя в договоре

Я назвала цену раньше, чем Галина успела спросить.

— Двадцать пять тысяч за пробный этап.

Она подняла голову от папки.

— Сначала покажите, что в него входит.

Я почувствовала себя человеком, который выпалил ответ, не дослушав задачу. Расстегнула сумку, достала распечатки. Накануне я так боялась продешевить или, наоборот, запросить невозможное, что забыла о праве спокойно объяснить работу.

Галина освободила стол. Андрей сидел сбоку с блокнотом, Нина заглянула только передать ключ от служебного помещения и сразу ушла по своим делам.

Я положила план фойе.

— Входная зона. Стойку разворачиваем вот так, но не переносим проводку через весь зал. Здесь остаётся ожидание для родителей. Дальше у вас будет отдельный участок, его сейчас не трогаем.

— А почему скамейка здесь? — спросила Галина. — У нас там цветы.

— Потому что отсюда видна лестница. Люди всё равно будут садиться поближе к ней, хоть мы поставим стулья у противоположной стены.

Андрей посмотрел на схему.

— Розетку оставляете?

Я улыбнулась, вспомнив Дашу.

— Обязательно.

— Тогда пользователи поддержат.

Галина не улыбалась, но слушала внимательно. Мы прошли в фойе. В утренней тишине оно казалось почти аккуратным; не верилось, что вечером здесь одновременно надевают двадцать курток и ищут семь потерянных шапок.

Я показала, где поставить низкий шкаф для забытых вещей. Галина сразу сказала, что потерянное будут складывать поверх него.

— Будут, — согласилась я. — Но сейчас его складывают на подоконник. Давайте хотя бы от окна уберём.

Андрей обошёл старую деревянную скамью, к которой я хотела подобрать новое сиденье. Провёл ладонью по краю.

— Эту вы зачем оставляете?

— Она хорошая.

— Она тяжёлая. И здесь соединение разошлось. Если восстанавливать по уму, получится дороже новой.

Мне сразу стало жарко. В голове прозвучало Пашино «смешные деньги»: ещё ничего не началось, а я уже предложила что-то глупое.

— Насколько дороже?

Андрей назвал предварительный порядок стоимости. Я переспросила, что именно занимает столько времени. Он показал. Без раздражения, но и без желания сделать скидку на

моё самолюбие.

— Если просто замазать и покрасить, можно дешевле, — добавил он. — Но тогда лучше вообще не притворяться, что восстановили.

Я присела перед скамьёй. Под старым лаком дерево было красивое, однако в тесной входной зоне смысл действительно терялся.

— А если поставить её у окна в глубине? Там не придётся постоянно двигать. Оставим один предмет с историей, а возле гардероба сделаем нормальные сиденья.

Галина задумалась.

— Там лекционный стенд.

— Его как раз можно перенести ближе к залу. Он там нужнее.

Андрей ещё раз посмотрел на план.

— Так получится. Только скамью мы отдельно посчитаем.

— Конечно.

Мне нравилось это «конечно». Нравилось, что я смогла признать чужую работу и не потерять свою мысль.

В кабинете Галина сформулировала задание: схема входной зоны, подбор основных материалов, перечень покупок, один согласованный вариант и две доработки в пределах этой зоны. Мы обсудили срок. Я попросила включить всё в договор письменно и сама удивилась, как спокойно прозвучала просьба.

— Я только за, — сказала она. — Мне тоже не хочется

через неделю выяснять, что мы имели в виду разное.

Она спросила о форме расчётов и попросила прислать реквизиты. Документы нужно было окончательно проверить и подписать; плату за пробный этап перечисляли после его сдачи. Для меня это значило ещё пару недель до собственных денег, зато сумма больше не висела в воздухе.

Я сидела над распечатанным договором и перечитывала своё имя.

Елена Сергеевна Соколова.

С фамилией я пока ничего не решила. Она была и Дашиной тоже. Но впервые за долгое время моё полное имя стояло напротив работы, которую заказали именно мне.

— Не торопитесь, — сказала Галина, заметив, что я остановилась. — Домой можете взять посмотреть. Это не экзамен.

— Я понимаю. Просто прочитать хочу.

— Вот и читайте.

Она повернулась к компьютеру, давая мне время. Андрей ушёл проверить дверь. Никто не стоял над душой, не спрашивал, почему я такая недоверчивая, не напоминал, что все свои.

Я перечитала ещё раз и подписала.

На улице было ветрено. Я прижимала папку к боку и пыталась застегнуть пальто одной рукой, когда Андрей вышел следом с двумя бумажными стаканчиками.

— Там автомат лишний выдал, — сказал он и протянул

один мне. — Шучу. Взял вам. Кофе пьёте?

— Пью.

— Тогда удачно. Без сахара, но сахар отдельно.

Он поставил стакан на невысокий каменный выступ, пока я застёгивалась. Не полез помогать с пуговицами. Я почему-то отметила это и рассердилась на собственную настороженность.

— Давно здесь работаете? — спросила я.

— С дверью — вторую неделю. В целом со столяркой — давно. У меня мастерская неподалёку.

— И вы всем клиентам так честно говорите, что их идея дорогая?

— Обычно. А то потом всё равно приходится говорить, только уже громче.

Я засмеялась. Он посмотрел на меня открыто, с заметным удовольствием, и я впервые разглядела небольшую отметину у его брови.

Вблизи он оказался старше, чем я решила в первый вечер. Не молодым героем из рекламы ремонта. На висках седина, под глазами складки, на пальце след от рабочего пореза. Но у него был красивый рот, и он, кажется, совсем не стеснялся смотреть на мой.

Я сделала глоток слишком горячего кофе.

— Осторожно, — сказал он с опозданием.

— Уже поняла.

— Тогда не буду объяснять температуру кипения.

Я ещё раз засмеялась, теперь свободнее. Ветер вытащил из заколки волосы, пришлось прижать их ладонью.

— Вам нравится? — спросил Андрей.

— Кофе?

— Работать с пространством. Вы так оживились, когда про проход рассказывали.

Я посмотрела на окна центра.

— Нравится. Мне всегда хотелось, чтобы людям было удобно. Только со временем я как-то перестала считать это работой.

Он помолчал.

— Я раньше бесплатно мебель родственникам делал. Потом родственников стало очень много.

— И что вы сделали?

— Научился заранее говорить цену. Не всем понравилось.

Я покрутила стакан в ладонях.

— Думаете, я мало попросила?

— Я не знаю, сколько времени у вас уйдёт. Вы же не мне стойку разворачиваете. Но раз считали, значит, на что-то опирались.

Я опиралась в основном на страх, но рассказывать об этом мужчине, с которым знакома всего несколько дней, не собиралась.

Он допил кофе и посмотрел на часы.

— Мне надо ехать. Если по дереву будут вопросы, Галина дала мой номер. Можно прямо мне, без посредников.

— Хорошо. Спасибо за кофе.

— И за спор можно поблагодарить.

— Это вы уже себе просите?

— Немного.

Он улыбнулся и пошёл к старому универсалу у ограды. Я постояла ещё минуту. Хотелось, чтобы разговор продолжился, и от этого было неловко. Я не сделала ничего дурного. Просто выпила кофе. Но внутри ещё существовал человек, который собирался вечером рассказать мужу, что встретил интересного мастера.

Муж прислал сообщение, когда я дошла до машины.

«Сколько времени тебе нужно на размышления? Давай к понедельнику определимся по предложению».

Я открыла чат, потом закрыла. Пристегнула ремень, поставила кофе в держатель и только тогда ответила:

«Документ смотрит мой представитель. По имуществу буду обсуждать после проверки».

Дома я разложила договор на кухонном столе. Нина прочитала первую страницу, кивнула и спросила, какие продукты купить к вечеру. Она не устроила праздник первой победы, и это было правильно: работа у меня только начиналась.

Даша пришла со школы мрачная. Бросила рюкзак у стены, открыла холодильник, закрыла.

— Есть суп, — сказала я.

— Не хочу.

— Тогда хотя бы бутерброд.

Она повернулась ко мне.

— Мам, я могу домой вернуться?

Я почувствовала, как пальцы сжали край договора.

— К папе?

— Домой, — повторила дочь. — У меня там комната. И всё моё там.

Я посмотрела на её рюкзак, который некуда было поставить, на чужую скатерть, на бумаги, занявшие половину стола. Захотелось сказать, что я тоже не в гостиницу переехала, а потом спросить, неужели ей меня совсем не жалко.

Вместо этого я медленно убрала договор в папку.

— Давай поешь, — сказала я. — И поговорим.

Глава 6. Дочь имеет право злиться

— Конечно, — сказала я. — Там тебе удобнее. А я тут как-нибудь.

Слова вылетели раньше, чем я успела понять, кому их говорю.

Даша стояла у холодильника в школьной блузке, на манжете — след от синей ручки. Посмотрела на меня и втянула подбородок.

— Я не это сказала.

Я уже знала, что нужно остановиться. Но обида толкала дальше.

— У тебя здесь тоже всё будет. Нужно немного потерпеть.

— Ты мне каждый раз говоришь потерпеть. Я просто спросила.

Она вышла из кухни. Через секунду в комнате негромко закрылась дверь.

Я осталась стоять с папкой в руках. На первой странице договора ещё виднелась моя подпись. Мне казалось, что после такого дня я имею право хотя бы на один спокойный вечер.

Нина заглянула в кухню, посмотрела на меня.

— Ты сейчас с кем разговаривала?

— Я знаю.

— Тогда исправляй.

Я раздражённо выдохнула.

— Не надо меня воспитывать.

Сестра ничего не ответила. Подняла с пола Дашин шарф, повесила на крючок и ушла в свою комнату.

Минут пять я пыталась придумать такое объяснение, после которого дочь поняла бы, как мне больно. Потом отложила все объяснения и постучала.

Даша лежала на диване в наушниках. Музыки я не слышала, хотя обычно она включала громко.

— Можно сяду?

Она пожала плечом. Я села на край.

— Я на тебя сорвалась. Ты ничего плохого не сказала.

Даша смотрела в экран.

— Ты так говоришь, будто я тоже тебе изменила.

Мне стало стыдно.

— Да. Очень похоже получилось. Прости.

Она убрала телефон под подушку.

— Я папу люблю.

— Я знаю.

— И я не хочу, чтобы ты из-за этого…

Даша замолчала. Я не стала заканчивать за неё.

— Мне будет трудно к этому привыкнуть, — сказала я. — Но тебе не нужно переставать его любить. И жить в своей комнате хотеть можно.

Она повернулась ко мне.

— А почему тогда я не могу?

— Можешь приезжать. Мы договоримся, в какие дни. Постоянно пока давай поживём вместе. Мне нужно время разобраться, как всё устроить. И тебе тоже. Если тебе здесь чего-то не хватает, скажи. Только я не всё смогу сделать сразу.

Даша долго ковыряла ногтем край наволочки.

— Лампу ты привезла?

— Да. В пакете у окна.

Она села, достала лампу, поставила на стол. Между Нининой коробкой с квитанциями и моим ноутбуком почти не осталось места.

— Вот видишь, — сказала она тихо. — Мне правда негде.

Я посмотрела на стол и впервые за вечер увидела не неблагодарного ребёнка, а девочку, которая пытается разместить лист формата А3 на чужом клочке пространства.

Мы убрали часть моих вещей на подоконник. Коробку Нины пришлось временно поставить на шкаф. Даша включила лампу и подвинула мне табурет, чтобы я помогла закрепить провод.

За это маленькое разрешение быть рядом я была благодарна сильнее, чем хотела показывать.

С Павлом встретились в воскресенье. В кафе неподалёку от школы, чтобы не привязывать разговор ни к одному дому.

Он приехал заранее, заказал кофе и спросил, как мы устроились. Я ответила коротко. Не хотелось описывать наш тесный диван, будто это был довод в пользу его предложения.

— Даша мне пишет, — сказал он. — Хочет домой.

— Она и мне сказала.

— Тогда зачем её держать у Нины?

Я положила перед собой список с расписанием.

— Я её не держу в плену, Паша. У нас только неделя прошла. Давай сначала договоримся о выходных и буднях. Ей нужна предсказуемость.

— Я готов, когда угодно.

— Во вторник можешь забрать с рисования?

Он взял телефон.

— Во вторник встреча. Можно в среду.

— В среду рисования нет.

Павел поднял на меня глаза, понял и отложил телефон.

— Ладно. Какие дни нужны?

Мы просидели почти час. Договорились о двух вечерах, ближайшем выходном и деньгах на дочь. Павел предложил пятьдесят тысяч в месяц на обычные расходы, крупные траты обсуждать отдельно. Я сказала, что порядок нужно закрепить, чтобы не выяснять каждый раз, что считается обычным. Он раздражённо потёр лоб, но согласился обсудить оформление с представителями.

— И ещё, — сказала я. — Не спрашивай через Дашу, где я и с кем. Не передавай мне через неё сообщения.

— Я один раз спросил, дома ли вы.

— Тогда на одном разе и остановимся. Со мной можно связаться напрямую.

Он покрутил ложку.

— Ты думаешь, я её против тебя настраиваю?

— Я думаю, ей и без этого тяжело.

Павел кивнул. Мы оба устали, а впереди было ещё слишком много обычных дней, в которых нужно было забирать ребёнка, покупать обувь и помнить про родительское собрание.

Перед тем как уйти, он спросил:

— Она Веру упоминала?

— Нет.

— Я пока не буду их сталкивать.

Я почувствовала острое желание спросить, что значит «пока». Вместо этого сказала:

— Сначала поговори с дочерью. Не ставь её перед фактом.

Дома Нина собиралась уходить. В коридоре лежал небольшой пакет с подарком, на стуле — платье.

— Ты вечером будешь? — спросила я.

— После одиннадцати.

— А я хотела на пару часов к материалам съездить. Пока магазин открыт. Даша могла бы с тобой…

Нина выпрямилась.

— Нет, Лен. Не могла бы.

— Я же не на весь вечер.

— У меня день рождения у подруги. Мы неделю назад договорились.

Я вспомнила. Она действительно говорила. Ещё в тот вечер, когда мы привезли торт.

— Ладно, возьму Дашу с собой.

— Я не поэтому сказала нет, — ответила Нина. — И не потому, что мне жалко. Просто у меня тоже есть жизнь. Давай ты будешь сначала спрашивать, а не считать, что я здесь по умолчанию.

Сначала захотелось сказать, что у меня всё разрушилось, а у неё всего лишь день рождения. Я уже открыла рот и увидела, как сестра смотрит на меня. Без злости. Устало и немного настороженно.

— Ты права, — сказала я. — Я забыла про праздник.

— И про мою комнату давай сразу договоримся. Даша может там сидеть, когда меня нет, но вещи я хочу находить там, где оставила.

— Хорошо.

— И ужин я не всегда готовлю. Иногда у меня дома йогурт и кусок сыра. Это не значит, что я вас голодом морю.

Я неожиданно рассмеялась.

— Макароны были очень убедительные.

Нина тоже улыбнулась. Мы наконец перестали ходить друг перед другом так осторожно, будто любая бытовая просьба была предательством.

Вечером я съездила с Дашей за образцами, купила продукты, наготовила еды на два дня и подписала контейнеры. Дочь сказала, что это выглядит как подготовка к ядерной зиме.

— Просто не хочу, чтобы мы спорили из-за котлет, — от-

ветила я.

— Тогда мои подпиши крупнее.

На следующий день позвонил Андрей. Я как раз стояла у школьного кабинета: классный руководитель просила зайти по поводу пропущенных Дашей заданий.

— Удобно по схеме поговорить? — спросил он.

Я машинально начала искать план в сумке.

— Да, только секунду…

За дверью меня позвали по имени.

— Вообще нет, — призналась я. — Сейчас совсем неудобно. Можно после семи?

— Можно. В семь пятнадцать наберу.

Он позвонил в семь пятнадцать. Я успела закончить школьный разговор, забрать дочь и разогреть те самые подписанные котлеты. Никакого упрёка в его голосе не было. Мы обсудили размеры и разошлись каждый к своим делам.

Во вторник Павел всё же освободил вечер, и Даша поехала к нему. Я проверила, взяла ли она зарядку, спросила, не забыли ли они про обратное время, и остановила себя на третьем вопросе.

— Мам, у меня телефон есть, — сказала дочь.

— Да. Напиши, как доедете.

Дверь закрылась, и в квартире стало тихо. Нина задерживалась на работе. Я впервые за неделю осталась одна.

Села за ноутбук и открыла письмо Галины с уточнениями. К входной зоне добавилась просьба «заодно посмотреть

стенд» и «набросать гардероб целиком, чтобы не спорить потом».

Я прочитала ещё раз, заглянула в договор и потянулась к чистому листу. Потом остановилась.

На дополнительные рисунки уходило почти столько же времени, сколько на то, за что мы договорились о цене.

Глава 7. Цена работы

Двадцать минут я редактировала письмо Галине. Убирала слово «дополнительный», возвращала, меняла «потребуется оплата» на «можно обсудить», потом снова ставила «потребуется».

В конце концов позвонила.

— По гардеробу и стенду нужно отдельное задание, — сказала я, глядя в свои записи. — В пробную часть они целиком не входят.

Галина ответила не сразу.

— Мы же про фойе разговаривали.

— Да. Но в договоре входная зона, стойка и ожидание. Если делать всё, изменятся срок и цена.

— А стенд вы сами предложили перенести.

Я закрыла глаза. Она была права.

— Перенос стенда я покажу в общем решении. Это моя часть. А весь гардероб, новые шкафы и рабочие места — уже другое.

— Сколько другое?

Я назвала стоимость дополнительной схемы и время, которое на неё уйдёт. Галина попросила прислать коротко, без описания в трёх письмах, и сказала, что обсудит с бухгалтером.

На этом разговор закончился.

Я ещё минуту сидела с телефоном у уха, будто сейчас должна была разразиться гроза. Ничего не произошло. Даша вышла из ванной и спросила, где её расчёска. За окном проехала машина, соседка хлопнула дверью на лестнице. Я попросила денег за работу, и мир продолжал заниматься своими делами.

К обеду Галина согласовала дополнительную схему, но попросила перенести часть полок в пределах исходного варианта без увеличения цены. Я посмотрела собственные формулировки и согласилась. Не всё, что мне сейчас было неприятно, оказывалось несправедливым.

В пятницу я поехала к Андрею смотреть образцы.

Мастерская занимала первый этаж старого хозяйственного корпуса. Никакой красивой вывески: лист с названием, номер телефона и стрелка, нарисованная маркером. Я дважды проехала мимо ворот и позвонила.

— Видите красную машину без заднего колеса? — спросил Андрей.

— Вижу.

— Вот за ней направо. Здесь навигатор считает, что мы живём в реке.

Он вышел меня встретить. В мастерской работал пылесос, двое мужчин подгоняли детали, ещё один разговаривал по телефону у дальней стены. Я удивилась, насколько всё было обычным: стеллаж с банками, календарь, чайник на тумбочке. Прямо рядом с календарём висел детский рисунок авто-

мобиля с невероятно длинным капотом.

— Не ваш дизайн? — спросила я.

Андрей посмотрел на рисунок.

— Сын делал. Лет десять назад. Заявлял, что так будет быстрее.

— И как?

— В производство не запустили. Инвесторы не нашлись.

Он принёс несколько небольших щитов, показал, как выглядит покрытие при дневном свете. Я положила рядом образец ткани. На фотографии сочетание было удачным, здесь дерево уходило в желтизну.

— Вот поэтому я не люблю утверждать по телефону, — сказал он.

— Я тоже не люблю. Но каждый раз надеюсь, что на этот раз экран не врёт.

Мы перебрали варианты. Сначала говорили на вы, потом Андрей случайно сказал «посмотри», заметил и остановился.

— Можно на ты? А то я сейчас буду торжественно предлагать вам наждачную бумагу.

— Можно.

Мне стало приятно совершенно несоразмерно важности события. Будто между нами освободили немного лишнего места.

Он отнёс лишние щиты и вернулся с расчётом по скамье. Я думала, что мы обсудим только цвет, но задержалась над

списком работ.

— Ты действительно всё это делаешь?

Андрей посмотрел на меня с весёлым недоумением.

— Обычно да. Иногда вот Виталик. Но он тоже настоящий.

Я покраснела.

— Не так спросила. Я думала, там только снять покрытие и укрепить.

Он сел рядом, показал на фотографиях, где разошлось соединение и почему прежняя заплата не держит нагрузку.

— Если человек на край сядет, оно может снова пойти. Красиво будет неделю. Мне потом не хочется приезжать и объяснять, что я имел в виду.

Я водила пальцем по строкам, считая время. В собственной работе я всё ещё пыталась учесть только часы, когда непосредственно рисовала. А поездки, переписка, подбор, сомнения по вечерам получались как будто бесплатными.

— Я, кажется, пробный этап слишком дёшево посчитала, — призналась я.

— Возможно. А сколько ты на него отвела?

— Неделю. Уже вторая идёт.

— И продолжаешь добавлять?

Я посмотрела на него.

— Ты слишком быстро понял.

— Частая болезнь. Я знакомым однажды стол делал. Они потом решили, что было бы хорошо и кухню. Раз уж инстру-

мент достал.

Я засмеялась. Затем повернула план и показала вариант, при котором часть существующей мебели оставалась на месте.

— Смотри, если вот этот шкаф восстановить сейчас, он встаёт только здесь. А он не нужен. Мы просто боимся выбросить, потому что старый. Можно оставить скамью, а остальное сделать проще.

Андрей долго смотрел на схему.

— Да. И по деньгам им легче будет.

— Тебе работы меньше.

— Зато бессмысленной меньше.

Он спросил, не голодная ли я. Я собиралась сказать, что нет, и вспомнила, что утром съела половину Дашиного бутерброда.

Через десять минут мы сидели за маленьким столом в отдельной комнате. Андрей достал из холодильника суп, хлеб и контейнер с курицей. Предложил поделиться.

— Ты всем так обед выдаёшь?

— Только кто застрял с образцами больше чем на час. Сотрудников предупреждаю, чтобы не злоупотребляли.

Он поставил передо мной тарелку. Я сначала собиралась съесть немного, потом поняла, насколько голодна.

За обедом мы говорили о совершенно незначительных вещах. О людях, которые заказывают белые диваны, а потом боятся на них сесть. О том, как дорого обходятся малень-

кие квартиры, если пытаться поместить в них всю прежнюю жизнь. О фильме, который Нина советовала всем подряд, хотя сама ещё не посмотрела.

Я поймала себя на том, что не проверяю телефон каждую минуту.

У Андрея телефон как раз зазвонил. Он посмотрел на экран и ответил:

— Да, Тём. Слушаю.

Голос у него изменился, стал домашним и чуть настороженным. Сын что-то спрашивал про выходные, потом про оплату курса. Андрей уточнил сумму, попросил прислать ссылку и напомнил о времени встречи.

— Семнадцать, — сказал он, убрав телефон. — Каждую неделю новый план жизни. Сейчас инженерный курс нашёл. До этого хотел только рисовать.

— А живёт с тобой?

— С мамой. У меня бывает. Мы шесть лет в разводе.

Я размешала остывающий суп.

— Справляетесь?

— С переменным успехом. Я всё ещё иногда считаю, что он свободен, если я свободен. Потом выясняется, что у него друзья, занятия, какие-то совершенно неотложные дела.

Он улыбнулся.

— У тебя дочь помладше?

— Тринадцать. Недавно объяснила мне, что дома у неё есть своя комната и поэтому любые взрослые причины пере-

ехать выглядят недостаточно убедительными.

Андрей не стал расспрашивать, почему мы переехали. Только посмотрел на меня внимательнее.

— Понятно. В тринадцать комната очень важна.

Я кивнула. Потом мы вернулись к материалам, и я была ему за это благодарна.

Когда я собралась уходить, выяснилось, что один из образцов тяжёлый. Андрей спросил, донести ли до машины. Я позволила.

На улице он остановился у багажника, подождал, пока я освобожу место. Я убирала пакеты, папки, Дашины сменные кроссовки и чувствовала себя неловко из-за беспорядка.

— Нормальная рабочая машина, — сказал он. — У меня иногда хуже.

— У меня сейчас в ней половина квартиры.

— Тогда у тебя очень хорошо помещается половина квартиры.

Он поставил щит, придерживая край. Наши руки на секунду соприкоснулись. Обычное движение, которое могло ничего не значить. Я, однако, ещё несколько секунд чувствовала тепло его пальцев и очень старалась смотреть на крепления в багажнике.

Андрей не сделал вид, будто ничего не заметил. Но и не воспользовался моей неловкостью. Просто спросил:

— В понедельник на объекте увидимся?

— Да. Мне ещё схему по дверям проверить.

— Тогда до понедельника, Лен.

Он впервые назвал меня так, без полного имени. Я ответила и только на перекрёстке поняла, что улыбаюсь.

В понедельник улыбаться оказалось некогда. Пришла Галина, открыла служебную дверь и спросила, почему на моей схеме за ней стоит высокий модуль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.